

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

И.В. ДЕМИН

«Историзм» — крайне многозначное понятие, вбирающее в себя самые различные и даже взаимоисключающие трактовки истории в ее соотношении с человеческим бытием. В самом общем и «усредненном» смысле историзм означает «принципиальную историзацию нашего мышления о человеке, его культуре и его ценностях»¹.

Принцип историзма может быть рассмотрен в различных аспектах и ракурсах: онтологическом, методологическом, мировоззренческом. В первом случае историзм выступает в качестве основания (фундаментального принципа) философской рефлексии как таковой (или определенного ее типа), во втором — в качестве принципа научного познания общества и культуры (в ряде случаев — научного познания вообще, включая и естествознание), в третьем — в качестве основания и ориентира человеческой деятельности.

Мы выделяем шесть основных направлений в понимании принципа историзма. Первые три из них можно с некоторыми оговорками отнести к *классической* (метафизической) философии истории. Это «романтический» историзм, гегелевский историзм и марксистский историзм («исторический материализм»). Другие три трактовки историзма относятся к неклассическому, или постметафизическому типу философской рефлексии. Все они предполагают отказ от базовых презумпций метафизической историософии, прежде всего, от идеи построения единой модели всемирной истории. Речь идет о трактовке принципа историзма в «философии жизни» В. Дильтея, о переосмыслении историзма в неогегельянских концепциях Б. Кроче и Р.Дж. Коллингвуда и в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера, а также о «неоисторизме» Г. Люббе.

1. «Романтический» историзм

Наиболее раннее и, пожалуй, самое устойчивое значение историзма сложилось в интеллектуальном контексте немецкого романтизма. Мысль о том, что принцип историзма стал открытием эпохи романтизма, начиная с работы Ф. Мейнеке², стала общепризнанной. Этот первый тип историзма можно условно обозначить как «романтический историзм».

«Возникновение историзма, — писал Ф. Мейнеке, — было одной из величайших духовных революций, пережитых европейской мыслью»³. На рубеже XVIII–XIX вв. историзм в большей или меньшей степени

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философия истории в контексте постметафизического мышления», грант № 15-13-63002 (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

затронул все основные отрасли философского знания. Как показывает Р.М. Габитова, историзм менее всего был развит в гносеологии, так как ключевой для немецкого романтизма «принцип непосредственного эстетического восприятия препятствовал осмыслению самого процесса (истории) развития знания»⁴, в большей степени принцип историзма был разработан романтиками (прежде всего, Гёльдерлином, Авг. и Фр. Шлегелями, Новалисом, А. Мюллером и др.) в области натурфилософии, социальной философии, философии истории и культуры⁵.

В идейном контексте немецкого романтизма происходит дисциплинарное оформление исторической науки и профессионализация исторического знания (прежде всего, благодаря работам Л. фон Ранке, Б. Нибура, Т. Моммзена, Я. Буркхардта и др.)⁶. Как отмечает Н.Я. Берковский, «романтики – призванные, убежденные историки, историки в общем смысле и в смысле специальном, историки культуры, историки искусств, историки литературы»⁷. В миросозерцании романтиков историзм был существенной силой, «они-то по преимуществу его и узаконили, сделали обязательным для последующих поколений»⁸.

Значение немецкого романтизма для европейской философии истории заключается в открытии *идеи развития*. Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «в романтизме идея развития становится центральным философским понятием и интеллектуальным стержнем и искусства, и общественной мысли, и историографии»⁹. Идея исторического развития и понимание истории как целостного процесса развития будут играть ключевую роль в философии истории материального типа.

2. Гегелевский историзм

Как известно, Гегель стремился преодолеть характерный для новоевропейской философии дуализм «субстанции» и «субъекта». Субстанция в системе гегелевского абсолютного идеализма «становится самодвижущейся, саморазвивающейся в процессе, т.е. “исторической” субстанцией»¹⁰. Субстанция утрачивает качества самотождественности и неизменности. Разум (дух) развертывается в историческом времени, «отбрасывая и оставляя прежние формы позади себя, т.е. он имеет историю»¹¹. «Исторические формы существенны для духа, они входят в его содержание, обогащают его и, даже будучи преодоленными и отброшенными, сохраняются в нем в снятом виде»¹². Тем самым в системе гегелевской философии впервые онтологически обосновывается возможность и необходимость такой области знания, как *философия истории*.

Однако неверно игнорировать субстанциалистский пласт гегелевской философии истории. Фундаментом гегелевской теории всемирной истории, как известно, выступает идеалистический панлогизм. Зависимость Гегеля от классического субстанциализма наиболее ярко проявляется в исходном положении его историософии: «Разум господствовал и господствует в мире, а также и во всемирной истории»¹³.

Представление о разумном характере исторического процесса определяет общий характер и направленность гегелевской историософии и с неизбежностью превращает разработанную им теорию всемирной истории в *прикладную логику*. Переход от субстанциализма к историзму в гегелевской философии истории только намечается, и в этом смысле Гегель занимает как бы промежуточное положение между французскими просветителями (Вольтером, Тюрго, Кондорсе) и представителями исторически ориентированной «философии жизни» (Дильтеем, Шпенглером, Зиммелем).

3. Марксистский историзм

Если романтический историзм направлен против характерного для эпохи Просвещения механистического миропонимания, а гегелевский историзм связан с трансформацией принципа субстанциализма, с пересмотром идеи вечной и неизменной субстанции, то марксистский историзм («исторический материализм») в историко-философском плане ассоциируется, прежде всего, с пересмотром принципов *телеологизма и провиденциализма*.

Преимущество марксистской социальной философии и философии истории по отношению к гегелевской диалектике хорошо известна и неоднократно отмечалась в исследовательской литературе¹⁴. Тем не менее марксистский историзм существенно отличается от гегелевского не только своей «материалистической» направленностью, но и попыткой окончательного устранения из философии истории и исторической науки элементов телеологизма и провиденциализма.

В «Советской исторической энциклопедии» историзм определяется как «принцип научного мышления, рассматривающий все явления как развивающиеся на основе определенных объективных закономерностей»¹⁵. Определяющей для марксистского понимания истории и принципа историзма выступает презумпция наличия в социально-историческом бытии «объективных закономерностей». В отличие от французских просветителей, которые рассматривали человеческую историю как процесс реализации определенных надысторических идей и принципов, Маркс, Энгельс и их последователи видели в истории *закономерный процесс развития*, присущий как природе, так и обществу. «Историю, — писал Маркс, — можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹⁶. В отличие от большинства идеалистических историософских концепций, отождествляющих историю с *историей духа* (духовной культуры), Маркс признает неразрывную связь собственно человеческой (социальной) истории с историей (эволюцией) природы.

Поскольку в марксизме признается обусловленность настоящего прошлым (историей, процессом развития), марксистский историзм может быть охарактеризован как *исторический детерминизм*. Принцип детерминизма традиционно противопоставляется телеологии, а детерминистские (материалистические, натуралистические) версии философии истории — идеалистическим (провиденциалистским). Однако при ближайшем и внимательном рассмотрении такое противопоставление утрачивает свою очевидность.

Единство и взаимообусловленность телеологического и детерминистского способов объяснения истории в различных теориях общественного прогресса неоднократно отмечались уже в русской религиозной философии начала XX в.¹⁷ В современной исследовательской литературе структурное единство детерминистских и телеологических схем всемирной истории убедительно показывает Б.Г. Соколов. В пользу такой трактовки свидетельствует тот факт, что в марксизме признается наличие не только *закономерностей* общественно-исторического развития, но и *цели* истории. «Эта цель — построение бесклассового общества, коммунизма, переходным этапом которого является социализм»¹⁸.

Одним из важных достижений критической историософской мысли XX в. стало разоблачение претензий на научность глобальных схем всемирной истории (прежде всего, марксистской теории общественно-экономических формаций). В марксистской социальной философии были обнаружены элементы «ненаучной» эсхатологии и телеологизма, из чего следовал вывод о том, что марксистскую версию историзма нельзя рассматривать в качестве *альтернативы* традиционного провиденциализма, но следует интерпретировать как одну из его *модификаций*.

4. Историзм как преодоление классического трансцендентализма

Если гегелевская и марксистская интерпретации принципа историзма вполне укладываются в рамки метафизической историософской рефлексии, то с именем Вильгельма Дильтея связан радикальный разрыв с классической метафизикой и философией истории спекулятивного типа (теорией всемирной истории), которая стремилась постичь целостность исторического процесса «то в плане движения истории, то в фундаментальной идее, то в формуле или соединении формул, выражающих закон развития»¹⁹.

Главной мишенью критики у Дильтея становится субстанциалистский пласт гегелевской историософии и связанный с ним спекулятивный способ постижения единства истории и конструирования смысла исторического процесса. «Гегель, его конструкция смысла истории как поступательного развертывания объективного духа критикуется... через апелляцию к непосредственно данному»²⁰. В качестве «непосредственно данного» у Дильтея выступает «жизнь», «переживание жизни».

В этом можно усмотреть влияние на Дильтея позитивистской философии и историографии, для которых гегелевская схема всемирной истории представлялась бессмысленной и избыточной.

Историософская концепция Дильтея складывалась, с одной стороны, в полемике со спекулятивной философией истории гегелевского типа, которая «стремилась понять исторический процесс как ход событий, подчиненный единой формуле»²¹, с другой стороны, в полемике с трансцендентализмом, прежде всего с Кантом и зарождающимся неокантианством. Несмотря на внешнее сходство замысла Дильтея («критика исторического разума» как выявление оснований исторического познания и обоснование специфической методологии «наук о духе») с замыслом кантовской трансцендентально-критической философии, сам способ постановки и решения философских вопросов у Дильтея весьма далек от классического трансцендентализма и априоризма. «Философская программа Дильтея... — отмечает И.А. Михайлов, — не просто создание основоположения или методологии наук о духе наряду с методологией наук о природе, а формулирование нового основоположения познания в целом, ориентированного на исторический и практический характер человеческой жизни и ее структурных форм»²².

Дильтей исходит из нерасторжимого единства «жизни» и «истории». Понятия «жизнь» и «историческая действительность» часто используются им в качестве синонимов: «Жизнь... по своему материалу составляет одно с историей. История — всего лишь жизнь, рассматриваемая с точки зрения целостного человечества»²³. На место трансцендентального субъекта, носителя чистой познавательной способности в философии Дильтея приходит «целостный человек», «тотальность человеческой природы», «полнота жизни». «Субъект у Дильтея не выстраивается, как точка, монада, но конституируется посредством переживаемой и проживаемой связи душевной жизни»²⁴. Жизнь начинает рассматриваться как источник всякого познания, в том числе философского и исторического.

О разрыве с классическим трансцендентализмом свидетельствует принципиально новая постановка вопроса о сущности человека, которая выражается в широко известном высказывании Дильтея: «Что есть человек, может сказать ему только его история»²⁵. Философия жизни Дильтея с самого начала конституировалась как *исторически ориентированная философия*, как специфическая *философия истории*. Но философия истории здесь перестает быть спекулятивной теорией всемирно-исторического процесса. Благодаря Дильтею открывается возможность интерпретации философии истории как аналитики историчности человеческого бытия, которая впоследствии будет реализована в трудах Хайдеггера и Гадамера.

5. Историзм как антитеза редукционизму и объективизму.

Неогегельянство и «герменевтический» историзм

Пятое направление в понимании историзма связано с именами Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуда и Г.-Г. Гадамера. Это направление сохраняет преемственность с «философией жизни» В. Дильтея, но акценты здесь расставлены иначе: если у Дильтея антитезой историзма (исторически ориентированной философии) выступает спекулятивная метафизика с характерным для нее априорным конструированием смысла истории, то в неогегельянстве (Кроче, Коллингвуд) и в философской герменевтике (Хайдеггер, Гадамер) на первый план выходит критика редукционистских стратегий в философии истории, характерных для позитивизма и натурализма, а также борьба с «идеей метода» (с методологизмом неокантианской философии истории). Если для Дильтея историзм, понятый как исторический релятивизм, предполагающий множественность несводимых друг к другу и равноправных интерпретаций прошлого, еще представляет *проблему*, то для Кроче и Коллингвуда он становится *отправной точкой* рассуждений.

Наиболее последовательно антинатуралистическая и антипозитивистская направленность неклассического историзма проявилась в историософской концепции Б. Кроче. Как и Дильтей, Кроче исходит из нерасторжимого единства истории и жизни, причем под «жизнью» он понимает *жизнь духа*. При таком подходе интерес к истории, к прошлому рассматривается как неотъемлемое проявление самой жизни.

Кроче отказывается от презумпции различия исторической реальности, какой она была «сама по себе» (прошлое как «вещь в себе») и теми образами и репрезентациями исторической реальности, которые вырисовываются в ходе нашего изучения прошлого в той или иной конкретной жизненной ситуации. Заметим, что представление об истории (исторической реальности) как о «вещи в себе» (в противоположность ее историографическим репрезентациям) является важнейшей онтологической предпосылкой философии истории материального типа, которую Кроче, вслед за Дильтеем, стремится ниспровергнуть.

Всякая история, согласно Кроче, есть *современная* история, прошлое живет лишь в настоящем. История — это живая связь прошлого и настоящего. В этой связи переписывание истории, переосмысление прошлого *в свете настоящего* — естественный и неизбежный процесс, составляющий внутреннее содержание самой жизни духа.

Нетрудно заметить, что «абсолютный историзм» Кроче, рассматривающий всякое знание как знание историческое (а всякую историю как историю актуальную, современную) и отождествляющий философию и историографию, оборачивается *антиисторизмом* и *презентизмом*. Если позитивистская и неопозитивистская философия игнорировала или недооценивала специфику исторической реальности и переносила естественнонаучную методологию на изучение истории и культуры, то

Кроче в своей борьбе с натурализмом, детерминизмом и «метафизикой» впадает в другую крайность, полностью отождествляя понятия «жизнь», «история» и «действительность».

Анализ концепции «абсолютного историзма» Кроче позволяет сделать важный вывод: доведенный до своей крайней, наивысшей степени, историзм оборачивается своей противоположностью. Стремление утвердить и закрепить в правах исторический способ мышления и исторический характер философии в концепции Кроче оборачивается радикальным презентизмом и фактически приводит к утрате исторического измерения бытия. В этом заключается главный *парадокс историзма*, в полной мере проявившийся уже в «постмодернистской» философии: когда все становится историчным, история исчезает²⁶.

Р.Дж. Коллингвуд в работе «Идея истории» развивал во многом сходные идеи. Как и Кроче, он исходил из тождества истории (исторического процесса) и историографии, исторической реальности и исторического сознания: «Исторический процесс сам по себе есть процесс мысли, и он существует лишь в той мере, в какой сознание, участвующее в нем, осознает себя его частью»²⁷. Как и Кроче, Коллингвуд полагал, что предметом исторического познания и осмысления может быть только то прошлое, которое *продолжает жить в настоящем*, то прошлое, чьим наследником ныне живущий человек себя осознает.

Проект философской герменевтики Гадамера, несмотря на его существенные отличия от неогегельянских концепций Кроче и Коллингвуда, в целом укладывается в рассматриваемую модель историзма. Он имеет ярко выраженный антипозитивистский, антинатуралистический и в тоже время отчетливо *неметафизический* (постметафизический) характер. Но, в отличие от Кроче и Коллингвуда, Гадамер основное внимание уделяет критике методологизма и «исторического объективизма»²⁸.

6. Историзм как антитеза социальному конструктивизму и презентизму

Еще одно направление в понимании историзма связано с работами немецкого философа Германа Люббе. Вопрос об историзме здесь поднимается в контексте обсуждения проблемы социокультурной идентичности.

Термин «история» используется Люббе в самом широком смысле, он применяется для характеристики не только социальных, но также технических и биологических систем²⁹. История определяется как процесс «индивидуализации систем»³⁰. История есть то, чем одна система отличается от другой системы, и на основании чего мы можем их идентифицировать и различать. Согласно Люббе, идентификация и самоидентификация субъектов происходит благодаря их историям: «Ответом на вопрос об идентичности субъекта, т.е. ответом на вопрос, кто он такой, является история»³¹. В этом смысле имена людей (а так-

же названия и обозначения любых рефлексивных систем) являются названиями их историй³².

Фундаментальной предпосылкой понимания идентичности как исторической идентичности у Г. Люббе выступает сформулированное еще Гегелем положение о том, что единство субъекта (его самость, самоидентичность) — это не формальное условие деятельности, а историческое образование. Быть историчным — значит (вольно или невольно) «опираться в своих поступках на совокупность прошлого опыта, лишь частично реализуемую в момент актуального действия»³³. Такое понимание историчности во многом созвучно консервативному «романтическому» историзму.

Существенно, что Люббе в своей концепции не проводит принципиальных различий между индивидуальной и коллективной формами исторической идентичности. Тезисы о том, что «субъекты обретают свою неповторимую идентичность среди им подобных через истории» и что «доступ к идентичности открывается посредством истории» в равной мере относятся и к индивидам, и к социальным группам, и к организациям³⁴.

Идентичность субъекта, поскольку она всегда является исторической идентичностью, невозможно свести к проекту и к действиям субъекта по реализации проекта: «То, каков субъект в действительности, не основано на постоянстве его стремления быть таковым»³⁵. Идентичность вообще не является результатом действий и волевых усилий субъекта, она — «результат истории»³⁶.

Разрабатываемая Г. Люббе трактовка историзма противостоит многочисленным конструктивистским и презентистским социально-философским и историософским концепциям.

Подведем итог. Общими чертами как классического, так и неклассического историзма являются: 1) антисубстанциализм и антиэссенциализм (отказ от презумпции наличия вечной и неизменной сущности человека и общества), 2) антитрансцендентализм (критика априоризма, утверждающего внеисторический характер идей, принципов, ценностей), 3) антиредукционизм (признание несводимости исторического знания к естественнонаучному, отстаивание онтологической специфики истории и культуры по сравнению с «природой»). Однако в рамках классической (спекулятивной) философии эти характеристики проявляются лишь частично и в урезанном виде.

Классический историзм представляет собой фундаментальную установку метафизической («спекулятивной») философии истории, парадигмальными образцами которой можно считать теории исторического процесса Гегеля и Маркса. Для классического историзма характерны следующие основные черты: линейная концепция времени, идея развития (прогресса), финалистский детерминизм и телеологизм, презумпция наличия универсальных закономерностей исторического развития и т.д.

Для неклассического историзма (от В. Дильтея до Гадамера и нарративной философии истории) характерна критика телеологических построений спекулятивной философии истории, отказ от презумпции наличия универсальных исторических законов, отказ от идеи «всемирной истории», историзация (историческая «релятивизация») тех аспектов человеческого бытия, которые в классическом историзме выводились за пределы истории, полагались в качестве неисторических или сверхисторических.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. С. 82.
- ² *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. – М.: РОССПЭН, 2004.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер. – М.: Наука, 1989. С. 141.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Филатов В.П., Вышегородцева О.В., Малахов В.С., Смирнова Н.М., Кукарцева М.А.* Обсуждаем статьи об историзме // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2. С. 150.
- ⁷ *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 49.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и интуиция: наследие романтиков. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 30.
- ¹⁰ *Перов Ю.В.* Историчность и историческая реальность. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 26.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. С. 66.
- ¹⁴ См.: *Каримский А.М.* Философия истории Гегеля. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- ¹⁵ *Кон И.* Историзм // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. – М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 453.
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 16.
- ¹⁷ См.: *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса // Манифесты русского идеализма. – М.: Астрель, 2009. С. 45–46.
- ¹⁸ *Соколов Б.Г.* Генезис истории. – СПб.: Алетейя, 2003. С. 230.
- ¹⁹ *Дильтей В.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 372.
- ²⁰ *Губман Б.Л.* Смысл истории: Очерки современных западных концепций. – М.: Наука, 1991. С. 41.
- ²¹ *Соколов Б.Г.* Генезис истории. С. 239.
- ²² *Михайлов И.А.* Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. – М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 14.
- ²³ Цит. по: там же. С. 30.
- ²⁴ *Соколов Б.Г.* Генезис истории. С. 243.
- ²⁵ Цит. по: *Михайлов И.А.* Ранний Хайдеггер. С. 13.
- ²⁶ См. об этом: *Дёмин И.В.* Идея «конца истории» в постметафизическом контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5. Ч. 3. С. 48–50.
- ²⁷ *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории: Автобиография. – М.: Наука, 1980. С. 216.

²⁸ См. об этом: Дёмин И.В. Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера // *Философия и культура*. 2014. № 3. С. 391–400.

²⁹ Люббе Г. Историческая идентичность // *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 108.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 110.

³² Люббе Г. Историческая идентичность. С. 110.

³³ Плотников Н.С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 90.

³⁴ Люббе Г. Историческая идентичность. С. 110.

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Там же.

REFERENCES

Berkovskii N.Y. *Romanticism in Germany*. Saint Petersburg, 2001. 512 p. (in Russian).

Bulgakov S.N. The main problems of the theory of progress. In: *Manifests of Russian idealism*. Moscow, 2009, pp. 22-60 (in Russian).

Collingwood R.J. *The Idea of History. The Autobiography*. Moscow, 1980. 485 p. (trad. into Russian).

Demin I.V. The comparative analysis of F. Ankersmit's and G.G. Gadamer's interpretations of historical experience. In: *Philosophy and Culture*. 2014. No 3, pp. 391-400 (in Russian).

Demin I.V. The idea of the "end of history" in the post-metaphysical context. In: *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2014. No 5. Part 3, pp. 48-50 (in Russian).

Dilthey W. *Gesammelte Werke in 6 Bänden*. Band 1. Moscow, 2000. 763 p. (trad. into Russian).

Filatov V.P., Vyshegorodtseva O.V., Malakhov V.S., Smirnova N.M., Kukartseva M.A. Discuss the article about the historicism. In: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2007. Vol. 12. No 2, pp. 150-162 (in Russian).

Gabitova R.M. *Philosophy of German Romanticism: Hölderlin, Schleiermacher*. Moscow, 1989. 160 p. (in Russian).

Gubman B.L. *Meaning of History: Essays on modern Western concepts*. Moscow, 1991. 192 p. (in Russian).

Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Saint Petersburg, 2000. 480 p. (trad. into Russian).

Karimsky A.M. *Hegel's philosophy of history*. Moscow, 1988. 270 p. (in Russian).

Kon I. Historicism. In: *Soviet historical encyclopedia*. Vol. 6. Moscow, 1965, pp. 453-454 (in Russian).

Lubbe G. Historische Identität. In: *Problems of philosophy*. 1994. No 4, pp. 108-113 (trad. into Russian).

Marx K. und Engels F. *Werke*. Ed. 2. Vol. 3. Moscow, 1965. 630 p. (trad. into Russian).

Meineke F. *Die Entstehung des Historismus*. Moscow, 2004. 480 p. (trad. into Russian).

Mikhaylov I.A. *Early Heidegger: Between phenomenology and philosophy of life*. Moscow, 1999. 284 p. (in Russian).

Perov Yu.V. *The historicity and historical reality*. Saint Petersburg, 2000. 144 p. (in Russian).

Plotnikov N.S. Rehabilitation of historicism. Herman Lubbe's philosophical investigations. In: *Problems of Philosophy*. 1994. No 4, pp. 87-93 (in Russian).

Savelyev I.M., Poletaev A.V. *History and intuition: the legacy of the Romantics*. Moscow, 2003. 52 p. (in Russian).

Sokolov B.G. *The genesis of the history*. Saint Petersburg, 2003. 372 p. (in Russian).

Troeltsch E. *Der Historismus und seine Probleme*. Moscow, 1994. 719 p. (trad. into Russian).

Аннотация

В статье рассмотрены основные смыслы принципа историзма в контексте классического и неклассического (постметафизического) типов историософской рефлексии. Выявлено значение принципа историзма в процессе становления и развития европейской философии истории XIX–XX вв. Проанализировано соотношение историзма с другими фундаментальными принципами европейской философии и науки: субстанциализмом, трансцендентализмом, телеологизмом, детерминизмом, объективизмом, редукционизмом, универсализмом.

Ключевые слова: историзм, принцип историзма, философия истории, постметафизическое мышление, немецкий романтизм, марксизм, субстанциализм, антисубстанциализм.

Summary

The article considers the basic meanings of the principle of historicism in the context of classical and non-classical (post-metaphysical) types of historiosophical reflection. The importance of the principle of historicism in the process of formation and development of the European philosophy of history 19-20th centuries is identified. The ratio of historicism with other fundamental principles of European philosophy and science (substantialism, transcendentalism, teleological, determinism, objectivism, reductionism, universalism) is analyzed.

Keywords: historicism, principle of historicism, philosophy of history, post-metaphysical thinking, German romanticism, Marxism, Substantialism, antisubstances.